

Поддьяков А.Н. Ложь злоумышленнику о местонахождении жертвы и полемика о нравственном принципе правдивости

English version: [Poddiakov A.N. Lie to a malefactor about a victim's location, and polemics on the moral principle of truthfulness](#)

Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Анализируется полемика по поводу эссе Канта «О мнимом праве лгать из человеколюбия», в котором он обосновывает мысль: если злоумышленник требует от человека ответа, где спрятался его друг, чтобы этого друга убить, мораль велит сказать злоумышленнику правду. В статье доказывается: хотя сторонники этой кантовской позиции считаются абсолютистами, а его оппоненты – релятивистами, сами кантианцы с необходимостью осуществляют мощную и масштабную релятивизацию максимы правдивости и часто занимают более конформистскую позицию по отношению к обману, чем оппоненты Канта – «релятивисты». Вводятся парадоксы «Драгоценный друг» и «Обобщенное следствие Канта для множества друзей», характеризующие непоследовательность и противоречивость позиции сторонников Канта. Противостояние «абсолютистов» и «релятивистов» интерпретируется как полемика сторонников редукционистского и холистического(целостного) методологических подходов, с пониманием того, что методологическое противостояние здесь многократно усиливается противостоянием нравственных ценностей.

Ключевые слова: Кант, ложь, обман, принцип правдивости, моральная абсолютизация и релятивизация, холизм, редукционизм

В эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» И.Кант обосновывает мысль: если злоумышленник требует от некоего человека ответа, где спрятался его друг, чтобы этого друга убить, мораль велит (при невозможности уклонения от ответа) сказать злоумышленнику правду. Лгать в каких бы то ни было ситуациях – даже в такой – безнравственно; это моральное и правовое преступление. Таково было мнение Канта, выраженное в этом эссе [Кант, 1980].

Хотя Кант анализирует случай, описанный Б.Констаном и получивший, соответственно, название случая Констан–Канта (Канта–Констана), Р.Г.Апресян подчеркивает, что аналогичную ситуацию ранее рассматривал С.Джонсон (сюжет был значимым и распространенным) с выводами, противоположными последующим кантовским [Апресян, 2008а, с. 196–197]. Л.А.Калинников пишет, что проблема лжи злоумышленнику для спасения от него потенциальной жертвы и кантовский анализ этой ситуации занимали «как правоведов, так и философов морали на протяжении всего XIX столетия. В конце 80-х годов эта проблема нашла отражение в главе X поэмы Д.С.Мережковского "Протопоп Аввакум"», являющейся стихотворным переложением «Жития протопопа Аввакума, им самим написанного» [Калинников, 2005, с. 58–59]. В поэме есть эпизод спасения протопопом прячущегося беглого каторжника от стражников. Д.С.Мережковский вкладывает в уста протопопа Аввакума следующие слова [Мережковский, 2000; цит. по: Калинников, 2005, с. 60–61]:

«Пусть же Бог меня накажет: как мне было не солгать?
Согрешил я против воли: я не мог его предать.
Этот грех мне был так сладок, дорога мне эта ложь:
Ты простишь мне, Милосердный, ты Христос, меня поймешь:
Не велел ли ты за брата душу в жертву принести.
Все смолкает пред любовью: чтобы гибнущих спасти,
Согрешил бы я, как прежде, без стыда солгал бы вновь:
Лучше правда пусть исчезнет, но останется любовь!»

В начале 90-х годов XIX в. с критикой позиции Канта выступает уже Вл.Соловьев (трактат «Оправдание добра»).

И в настоящее время, хотя с момента опубликования кантовского эссе прошло более двухсот лет, по его поводу продолжается ожесточенная полемика – например, целиком ей посвящен выпуск журнала «Логос» [Логос, 2008, N 5] со статьями ведущих отечественных философов.

Как и ранее, так и теперь в этой полемике выражается отношение не просто к самому эссе Канта, а к фундаментальным проблемам морали, экзистенциальным проблемам человеческого бытия и взаимоотношений между людьми. Суть полемики – жесткое противостояние:

– тех, кто считает принцип «Не лги!» абсолютным нравственным законом, не допускающим исключений;

– тех, кто считает, что ценой соблюдения принципа «Не лги!» не может быть жизнь невинного человека [Апресян, 2008a,b]; что правдивость в обычных условиях и ложь для предотвращения покушений на жизнь и свободу со стороны активно атакующего зла представляют собой не правило и исключение, а вытекают из единого морального принципа, более фундаментального, чем правило «не лгать» [Прокофьев, 2008, 2009; MacIntyre, 2006], из нравственных запретов более высокого системного уровня, обеспечивающих: а) поддержку и развитие положительной кооперации между людьми и б) ограничение тех, кто развивает негативную кооперацию [Скрипник, 2008].

В целом эта полемика раскрывает фундаментальные, непримиримые по целому ряду ключевых позиций мировоззренческие противоречия, причем не только между сугубо теоретическими представлениями о должном, но и представлениями о том, какие нравственные принципы должны служить людям ориентирами для построения поведения в реальных жизненных ситуациях и оценки реальных поступков.

В экстремальной, но, увы, вероятной ситуации, когда группа террористов едет захватывать школу и, допустим, сбившись с пути, спрашивает дорогу у прохожего, должен ли он, поняв их цели, но не будучи в состоянии уклониться от ответа, сказать им правду о нахождении детей – поскольку правило «не лгать» и непротивленчество сохраняют «свою нравственно обязывающую силу в ситуации, когда на твоих глазах злодей занес нож над ребенком» [Гусейнов, 2008, с. 104]? Или оборонительная ложь (если использовать понятие, введенное А.В.Прокофьевым) здесь допустима?

С точки зрения каких нравственных ориентиров следует относиться к историческим событиям: считать ли, например, поступок Ивана Сусанина подвигом или же моральным и правовым преступлением?

Житейский бытовой пример: мы учим ребенка, что, подходя к своему дому, надо помахать в окно рукой, делая вид, что в квартире кто-то есть, – чтобы в большей мере обезопасить его от нападения. Совершаем ли мы тем самым моральное преступление против правила правдивости, против человечества в целом и против данного конкретного ребенка? Не дискредитирует ли морально запрещенное средство (обман) благую цель?

И так далее – эти и множество других примеров показывают, что не только в экстремальных ситуациях борьбы с терроризмом, но и в быту, в социальной повседневности от человека требуется

осознанное отношение к сложному вопросу о допустимости и недопустимости оборонительного обмана в условиях столкновения со злом (речь идет именно об оборонительном обмане по отношению к злоумышленнику, искажении информации, необходимой ему для преступления, а не о допустимости лжи вообще и даже не о широко понимаемой «лжи во благо», включающей, например, ложь смертельно больному о его диагнозе).

Осмысление феномена обмана особенно актуально в условиях информационного общества [Дубровский, 2008], быстрого развития технологий «троянского обучения», инструментов дезориентации в пространстве нравственных норм [Поддяков, 1999, 2002; Poddiakov, 2004].

В своем теоретическом рассуждении я буду исходить из высказанных авторами сборника – сторонниками контр- и некантианских парадигм – положений о том, что применение абсолютного морального принципа (в данном случае принципа правдивости) невозможно без опосредующих моральных суждений, позволяющих учитывать смысл и предметно-содержательную составляющую поступков [Артемьева, 2008]. В противном случае использование универсальных формальных решений в их приложении к критически важным случаям создает парадоксы, в значительной степени снижающие статус этической теории [Дубровский, 2008] и даже просто дискредитирующие ее [Капустин, 2008]. «Максимальная универсализация максим невозможна, а значит, они могут быть морально обязательными лишь при каких-то дополнительных условиях... Кант – не впадая в очевиднейшие нелепости – не может утверждать, что максима правдивости, наряду с другими моральными максимами, должна применяться без учета каких-то других факторов» [Васильев, 2008, с. 148].

В свою очередь, мы будем обосновывать следующие положения.

1. Хотя сторонники кантовской точки зрения рассматриваются в большинстве случаев как абсолютисты (так как они доказывают абсолютность запрета на нарушение абсолютного морального принципа), а оппоненты Канта – как релятивисты (так как они доказывают необходимость применения общих принципов с учетом критически важных условий), сами сторонники Канта с необходимостью осуществляют не менее мощную и масштабную релятивизацию максимы правдивости – но делают это по существенно другим (или даже принципиально другим) основаниям, чем их оппоненты. Используемый сторонниками Канта понятийный и методологический аппарат затрудняет выявление этой релятивизации, но не делает его невозможным.

2. Вопреки сложившимся представлениям, можно утверждать: как по ряду теоретических положений, так и по множеству конкретных случаев именно оппоненты Канта занимают более непримиримую позицию по отношению ко лжи и обману, чем его сторонники. Это делает актуальным сравнение ключевых пунктов, по которым: а) оппоненты Канта занимают более непримиримую позицию по отношению к обману, чем его сторонники; б) наоборот, сторонники Канта занимают более непримиримую позицию по отношению к обману, чем его оппоненты; в) их позиции согласованны.

3. Между двумя типами культурных орудий, организующих жизнь социума, а именно между двумя типами вербальных моральных суждений, одни из которых выражают моральную норму в «абсолютном виде», а другие оговаривают условия ее применимости/неприменимости в зависимости от иерархии норм и критических условий, существует сложное взаимодействие и взаимная зависимость. Использование только одного из этих видов орудий ведет к парадоксам на теоретическом уровне и может вести к драмам и трагедиям на практическом уровне – реального поведения, организации социальных отношений и взаимодействий.

Раскроем эти положения.

Кантовская допустимость прямой лжи и парадоксы релятивизма

И оппоненты Канта, и часть его сторонников подчеркивают: он считал допустимыми в ряде случаев и прямую ложь, и различные обманные уловки, прямой лжи не использующие. Соответственно, следует согласиться с Э.Ю.Соловьевым: приписывание Канту «незыблемой верности высокому принципу правдивости» – черта «расхожего кантоведения» [Соловьев, 2008, с. 33].

Остановимся вначале на случаях прямой лжи, допустимой с точки зрения Канта.

По Канту, если «враг пристаёт ко мне с ножом к горлу и спрашивает, где я храню деньги» (или – в другом кантовском примере – спрашивает: «Есть ли у тебя деньги?»), то «ложь в таком случае является ответным оружием... Не существует случая, где моя ложь по принуждению была бы оправдана, *за исключением* той ситуации, когда признание вынуждено и я уверен, что другой использует его в несправедливых целях» [Кант, 2005, с. 202–204].

Б.Г.Капустин называет эти примеры лжи поразительными и ставит вопрос: почему в перечисленных случаях, предполагающих лишь ограбление (правда, ограбление лично меня, а не другого человека), Кант считает ложь допустимым «ответным оружием», а в случае со злоумышленником, собирающимся совершить убийство (правда, не меня, а моего друга), Кант настаивает на соблюдении по отношению к злодею принципа правдивости. Обоснованный ответ Б.Г.Капустина состоит в том, что моральный субъект в этической теории Канта характеризуется, среди прочего, «звериным эгоизмом». Например, по Канту, допустимо в ситуации крайней необходимости отнять жизнь у невинного человека для своего собственного спасения. Так, при кораблекрушении можно столкнуть другого «с доски, на которой он спасся, дабы таким образом спасти самого себя» [Кант, 1965, с. 143, 144–146; цит. по: Капустин, 2008, с. 131].

Сопоставление случаев, в которых Кант считал ложь то недопустимой, то допустимой, позволяет нам сформулировать парадоксы ситуативного изменения нравственного выбора кантовским моральным субъектом в зависимости от определенного изменения внешних обстоятельств. Введем один из таких парадоксов.

Парадокс «Драгоценный друг»

Друг домохозяина обнаружил потерянные домохозяином драгоценности и принес их ему домой. Он еще не успел отдать их домохозяину, а лишь сообщил ему радостную весть о найденной пропаже, и тот провел его в одно из помещений дома. Раздается стук в дверь, и домохозяину, открывшему дверь и не могущему уклониться от ответа, злоумышленник честно сообщает следующее.

Вариант А. Я знаю, что к Вам пришел Ваш друг, нашедший Ваши драгоценности. Сообщите мне, где он находится, – я собираюсь его убить. Клянусь, что я не трону Ваши драгоценности.

Вариант Б. Я знаю, что к Вам пришел Ваш друг, нашедший Ваши драгоценности. Сообщите мне, где он находится, – я собираюсь забрать у него Ваши драгоценности. Клянусь, что я не трону Вашего друга.

Мы помним: Кант считает, что можно солгать злоумышленнику, пытаясь спасти драгоценности, на которые он покушается, но недопустимо лгать злоумышленнику, пытаясь спасти друга, на которого он покушается. Соответственно, в варианте А хозяин обязан сказать правду о местонахождении друга, а в варианте Б о его же местонахождении допустимо солгать. Ведь друг здесь – не просто друг (что не так важно), а временное хранилище драгоценностей домохозяина, и это совершенно меняет дело.

Парадокс «Драгоценный друг» показывает, как в теории, постулирующей абсолютность нормы и, соответственно, абсолютную незначимость различий между какими бы то ни было ситуациями ее применения, происходит измена этой абсолютной норме – причем при изменении даже не всей ситуации, а ее фрагмента: спросив, где находится друг, злоумышленник уточняет, для совершения какого именно преступления ему требуется этот друг в качестве жертвы. Если для ограбления и присвоения драгоценностей хозяина, то злодею можно солгать, а если для убийства друга, то лгать недопустимо.

Тем самым мы получаем ответ на вопрос, есть ли в кантовской этике значимый другой, существенно влияющий на наши решения. Ряд авторов доказывает, что его нет. Можно добавить – нет в *явном виде*. Но в скрытом виде этот другой есть – вот он. Это злоумышленник, от слов которого, хочет ли он забрать ценности или убить, решающим образом зависит экзистенциальный выбор «лгать или не лгать» – причем этот выбор кантовским моральным субъектом делается *не в пользу жизни*. Тем самым полностью подтверждается положение Р.Г.Апресяна: «устранение Кантом друга при признании исключительной моральной актуальности злоумышленника и делает его анализ ситуации домохозяина этически и морально тупиковым» [Апресян, 2008а, с. 214].

Кроме того, парадокс «Драгоценный друг» четко показывает: в рассматриваемой системе материальные ценности оказываются стоящими выше ценности жизни друга. Это не только согласуется с тем, что в кантовской этике «нуждающийся и обнаруживающий свою нужду друг обладает невысокой ценностью» [Артемьева, 2008, с. 50], но и демонстрирует ценность в ней друга как такового. И это при том, что Кант представляет ценности дружбы как одни из важнейших.

Особый вопрос – почему Кант допустил (создал) такие противоречия в своей этической системе.

Т.И.Ойзерман считает основной причиной присущую великой философской системе амбивалентность, противоречивость, рассогласованность основных положений, отражающую амбивалентность познания и нравственности [Ойзерман, 2008, с. 175]. С этим согласуется мнение Б.Г.Капустина, что противоречия у Канта – это момент развития его теории [Капустин, 2008].

С другой стороны, В.В.Васильев [2008] цитирует высказывание лауреата Международной Кантовской премии Г.Эллисона о том, что публикация эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» была главной ошибкой Канта, исказившей картину его моральной теории. Возможную причину этой ошибки Э.Ю.Соловьев видит в пожилом возрасте Канта, в «инерции усталого ума» [Соловьев, 2008, с. 33]. Этот довод никак нельзя сбрасывать со счетов – к сожалению, бывают случаи, когда ученый забывает не только отдельные положения своей теории, но и факт написания им целых произведений^[1].

Как бы то ни было, речь идет о событиях более чем двухсотлетней давности, и самого Канта уже (или пока) не спросишь. Но есть наши современники – сторонники Канта. И им-то можно задать вопрос – почему весь аппарат аргументации, использованной Кантом в эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия» и многократно, настойчиво воспроизводимой ими в других случаях, они не используют при анализе случая лжи грабителю, домогающемуся денег? Ведь если кантовское рассуждение в эссе действительно универсально, то и по отношению к этому случаю следует подтвердить, что ложь – это такое ответное оружие, применение которого недопустимо из-за его аморальности; что цель не оправдывает средства; что, солгав грабителю о нахождении драгоценностей, человек вызывает тем самым поток непредсказуемых следствий – ведь если жена, например, переложила драгоценности как раз в то место, на которое указал хозяин, думая, что лжет, то грабитель там их как раз и найдет; а вот если сказать правду об их местонахождении, то вполне может начаться череда чудес, описываемых сторонниками Канта для случая Констана – грабитель споткнется, его скрутит радикулит, он изменит намерения, раскается и станет праведником.

Однако случай с грабителем таких рассуждений со стороны кантианцев совсем не провоцирует.

Возникает невольное ощущение заговора молчания – что сторонники Канта избегают или даже прямо опасаются применять кантовский метод рассуждения к некоторым, кантовским же, случаям. А это и есть релятивизм. Грабителя твоих ценностей обмануть можно (и можно – на теоретическом уровне – промолчать о допустимости/недопустимости его обмана). А готовящего убийство человека обмануть нельзя, как и нельзя не высказать публично убежденности, что ложь ему – абсолютное зло.

Причина этого релятивизма, вероятно, в том, что, признав верность метода рассуждения Канта в эссе, следует признать неверным его вывод о допустимости оборонительной лжи как ответного оружия, а признав верность довода о лжи как ответном оружии, надо перестать апологизировать рассуждения эссе.

Предельные испытания долгом правдивости: случаи Канта и Макинтайра

А.А.Гусейнов подчеркивает, что случай Канта «представляет собой иллюстрацию, схематическое изображение идеи долга, выступающей в конкретной форме запрета на ложь в ситуациях, когда человек не может уклониться от определенного ответа и когда неправда, к которой его принуждают, направлена на то, чтобы спасти кого-то от страшного злодеяния». Эта иллюстрация призвана показать, что запрет на ложь «следует соблюдать даже в тех крайних случаях, когда с точки зрения здравого смысла это кажется совершенно абсурдным» [Гусейнов, 2008, с. 103–104]. Об этом же пишет Н.М.Сидорова: случай Канта моделирует «каркас ситуации предельного выбора», он позволяет выяснить, «выдержит ли внутренняя конструкция категорического императива такое испытание – говорить правду всем, всегда и везде, невзирая ни на какую опасность» [Сидорова, 2008, с. 182].

Но действительно ли пример Канта – предельное испытание долгом правдивости? Нет, есть случаи более экстремальные.

О.В.Артемова и А.В.Прокофьев воспроизводят описание ситуации, представленной А.Макинтайром (A.MacIntyre).

«Во время фашистской оккупации Голландии одна домохозяйка укрывала у себя дома ребенка из соседской еврейской семьи с обещанием заботиться о нем... На вопрос посетившего ее нацистского чиновника о том, все ли дети, находящиеся в ее доме, являются ее собственными детьми, она солгала, ответив утвердительно. Как и в примере Канта – Констана, домохозяйка не могла избежать дачи показаний в форме “да – нет”, как не могла избрать умолчание в качестве морально легитимного способа действия» [Артемова, 2008, с. 55].

Подчеркнем – случай «домохозяйка и нацист» способен представлять иллюстрацию и схематическое изображение идеи долга, ничуть не уступая при этом ни по иллюстративности, ни по схематичности случаю Констана-Канта. И тема инфантицида, и его реальные практики сопоставимы по древности (если не древнее) темы и практик предоставления убежища собственниками жилищ. Случай домохозяйки в примере Макинтайра и случай домохозяина в примере Канта как минимум равноценны по архетипичности и обобщающей силе. Но по ряду важных признаков эти ситуации могут быть противопоставлены.

Э.Ю.Соловьев совершенно справедливо указывает, что единственный акт правдивости, которого заслуживают правонарушители, в том числе злоумышленник из примера Канта, – честное осуждение, усовестление и вразумление. «Никакая иная правда, кроме правды осуждения, в примере Канта – Констана этически неуместна» [Соловьев, 2008, с. 28]. Но в примере Макинтайра и попытка усовестить представителя тиранического правосудия, и отказ от ответа ему связаны с

очевидным огромным риском для жизни ребенка.

Также случаи Канта и Макинтайра очень существенно различаются составом участников. Покажем это, оперевшись на типологию Р.Г.Апресяна. Она основана на проведении различий: а) между типами преследователей, и б) между типами преследуемых.

Что касается преследователей, в случае «домохозяйка и нацист» моральному субъекту, принимающему решение, противостоит не просто злоумышленник, чей статус убийцы дискутируется разными авторами в кантовском случае (то ли убийца, то ли нет), а представитель большой преступной группы настоящих убийц. Эта группа уже совершила множество зверских массовых убийств и собирается совершать их вплоть до так называемого окончательного решения еврейского вопроса. Таким образом, по параметру «тип преследователя» случай Макинтайра намного экстремальнее, чем случай Канта.

Что же касается стороны преследуемого, то это совсем не тот субъект, которому можно сказать, хоть бы и мысленно: «Ты не можешь требовать от меня измены долгу правдивости ради своего, весьма проблематичного, прямо скажем, спасения. Поймешь, когда вырастешь – если вырастешь», – и правдиво ответить на вопрос убийцы. Преследуемый здесь – это субъект, никак не равный домохозяину по интеллектуальному и правовому статусу; не способный защитить себя и именно поэтому опекаемый; недееспособный, но правоспособный (в том числе имеющий право на жизнь, отрицаемое преступной группой). Невинный ребенок – и этим сказано все (но не для сторонников Канта). Таким образом, случай домохозяйки и нациста уже напрямую, очевидным образом противопоставляет:

а) аргументацию сторонников Канта о соблюдении правила правдивости как долге перед будущим человечества;

б) аргументацию, идущую от Ф.М.Достоевского, о невозможности построения будущего счастья человечества на слезе одного ребенка (о том, чтобы отдать этого ребенка на истязания и смерть – пусть и выполняя долг перед будущим человечества, Ф.М.Достоевский даже не стал поднимать вопроса).

Но, с точки зрения последователей Канта, эти два аргумента вовсе не противопоставлены друг другу. Для случая домохозяйки и нациста со стороны этих кантианцев, по идее, должно последовать казуистическое рассуждение, что, сказав нацисту правду, домохозяйка вовсе не предает ребенка. (Сторонница Канта Н.М.Сидорова специально подчеркивает предосудительность замены нейтрального выражения «сказать правду» оценочным «предать».) Однако я не берусь предсказывать содержательный характер этой аргументации в данном случае. Тезис в духе «нетрудно предположить массу вероятностей, которые могут спасти ребенка, если соблюдать долг правдивости» здесь вряд ли будет адекватен.

В аллегорической повести Ф.Искандера «Кролики и удавы» описан тип нравственных рассуждений, противоположный кантовскому. Положительный персонаж (крот) обманывает убийцу (удава), отправляя его не по той дороге, которая ведет к жертве (кролику). При этом мудрый крот, похоже, знает, что удав кролика *почти наверняка найдет*. Это, а также ряд других обстоятельств делает его обман вообще практически бессмысленным, что подчеркивается в тексте. Но крот, в оппозиции и к логике Канта, и к расчету вероятностей, все равно идет на этот обман, и убийца находит жертву на несколько часов позже. По-искандеровски афористическое объяснение дается в тексте: «Но если мудрость бессильна творить добро, она делает единственное, что может, – она удлиняет путь зла» [Искандер, б.г.].

Случай крота и удава – аллегория многих других случаев, в том числе случая «домохозяйка и нацист».

Возвращаясь к случаю Макинтайра, можно заметить, что у него есть важные аспекты и помимо перечисленных. В целом его следует оценить как более экстремальный, а значит, более способный

служить тестом выполнимости категорического императива, чем случай Канта.

Однако возможности его анализа проигнорированы в статьях сторонников Канта (по крайней мере, в статьях первого выпуска сборника «О праве лгать») – за одним важным в своей показательности исключением. А именно, О.П.Зубец, обращаясь к этому случаю, начинает проводить рассуждение о не учитываемых противниками Канта возможностях сужения и расширения тех или иных масштабов оценки ситуации – временных, исторических и пр., о неясности критериев отделения существенного от несущественного и т.д. Таким образом, мы здесь наблюдаем очень интересное явление: столкнувшись с более экстремальной, чем предшествующая, ситуацией, сторонник Канта начинает явно релятивизировать оценки. Ведь ссылки на возможность их изменения в зависимости от выбранных масштабов, критериев и т.д. как раз и выражают сущность релятивизации.

В результате этой релятивизирующей деятельности О.П.Зубец приходит к следующему заключению. «Пути совершающего поступок и самого поступка расходятся: поступок утрачивает свой личностно-нравственный статус, свою героичку, так как утрачивает своего субъекта – и в этом смысле он уже не может быть ложью как моральным явлением – и, соответственно, не может быть оправданной ложью. Отчужденный от своего поступка человек уже более не является моральным субъектом, несущим ответственность за избранную ложь» [Зубец, 2008, с. 97].

Здесь возникает две проблемы.

Первая проблема – методологического плана, связанная не с явной, а уже со скрытой релятивизацией. Дело в том, что если предлагаемый способ рассуждения и вывод верны (в чем я лично сомневаюсь), то их в соответствии с универсалистскими установками следует перенести и на анализ случая Канта и, соответственно, сделать точно такой же вывод, какой делает О.П.Зубец для случая голландской женщины. А именно: солгавший домохозяин – не лжец и преступник, каким его видят Кант и его сторонники, а совсем другое – не моральный субъект, не несущий ответственность за избранную ложь. При последовательном рассуждении это, как представляется, должно служить основанием для закрытия темы с ликвидацией всего предмета обсуждения.

Вторая проблема содержательная. Релятивизацию можно проводить по разным основаниям, и у меня есть сильные сомнения в истинности вывода О.П.Зубец о том, что домохозяйка не является моральным субъектом, несущим ответственность за избранную ложь. Причиной этих сомнений (хотя и не единственной) являются высказывания других сторонников Канта о лжецах. Эти сторонники настаивают на абсолютности моральных оценок и лжи, и лжецов безотносительно к ситуациям и обстоятельствам. У них нет и тени сомнений, что человек, сознательно давший ложные показания, всегда несет за это моральную ответственность.

Мне же представляется более точными оценки О.В.Артемовой и Б.Г.Капустина. В соответствии с ними домохозяйка вовсе не подлец, не имеющий мужества сказать правду, и не преступник, санкционирующий бесправие (так сторонники Канта характеризуют домохозяина, солгавшего убийце в случае Канта), и даже не субъект, не несущий ответственности за собственную ложь. Я полностью согласен с О.В.Артемовой: «обычный человек с неискаженным слабостью воли моральным сознанием скорее всего оценит поступок домохозяйки как героический» [Артемова, 2008, с. 55]. «В “константиновской [и в макинтайровской. – А.П.] ситуации” практикой свободы могла быть только защита гостя от агрессии злодея, *хотя бы* нравственной правдой дезинформации его о местонахождении жертвы. При этом нравственным долгом домохозяина было бы принять на себя все опасности, “коренящиеся в нашей ситуации”, и риски, связанные с его благородным поступком» [Капустин, 2008, с. 141].

Обман без прямой лжи

Обратимся к рассмотрению обманных уловок без использования прямой лжи, которые Кант считал

допустимыми. Они призваны иными средствами, чем прямая ложь, создать у другого человека искаженную картину реальности или ее фрагментов. «Я могу притворяться, могу делать такие высказывания, из которых другой сделает выводы, угодные мне» [Кант, 2005, с. 202], но это, по Канту, не считается обманом и нарушением долга, поскольку данные выводы «сделаны другими *самостоятельно*, с помощью их собственной рациональной способности, хотя и на основе отсортированной и специально оформленной информации» [Прокофьев, 2008, с. 79].

Вот пример такой уловки, осуществленной самим Кантом. В ответ на требование Фридриха-Вильгельма II воздержаться от критики христианства он послал этому монарху (скорую смерть которого он предполагал) послание с фразой: «Как верноподданный Вашего Величества, я в будущем полностью прекращаю все публичные лекции или выступления по вопросу религии, будь то естественная религия или религия откровения». «Прусские цензоры и король восприняли эти слова Канта как обещание *навсегда* отказаться от публичного изложения своих мыслей по поводу религии, в то время как Кант отказался от этого лишь в качестве верноподданного Фридриха-Вильгельма II. И сразу после смерти последнего посчитал себя свободным от данного обещания» [Артемьева, 2008, с. 41].

Но А.П.Скрипник подчеркивает: «своим обещанием не высказываться по религиозным вопросам Кант не избежал обмана, а сделал его менее доступным для изобличения. Объектом обмана здесь стало публичное мнение» [Скрипник, 2008, с. 193]. Добавим – почувствовать себя обманутым Кантом могло не только публичное мнение в лице цензоров, а также и лиц, почему-либо веривших в безусловную правдивость и искренность Канта, но и тот, к кому обращено послание. Если бы кто-то из искушенных членов окружения монарха, предположив уловку, сообщил ему о ней, он вряд ли расценил бы ее как следование принципу искренности и правдивости.

Действия Канта можно расценить как обман доверия (или злоупотребление доверием) – но не в юридическом, а более широком смысле. Ведь, не применяя к Канту санкций, а пока лишь обращаясь к нему с определенным требованием и демонстрируя готовность принять соответствующие обещания, Фридрих-Вильгельм II предполагал существование неких рамочных доверительных отношений. Поэтому он сам или кто-то из его окружения мог бы расценить действия Канта не просто как обман, а сильнее – как вероломство.

В статьях сборника никто из сторонников Канта не осудил этот – оборонительный, во многом – обман, не делаю этого и я. Однако следует понимать, что не осуждаемый нами обманный прием осуществлен в рамках противостояния сильному миру сего, выдвигающему несправедливые требования по отношению к более социально слабому. Но этот же прием должен быть однозначно осужден в ситуациях, когда социально более сильные так обманывают более слабых.

Современная российская реальность перенасыщена ситуациями, когда организаторы мошенничеств – финансовых пирамид, контор по торговле недвижимостью, лотерей-«лохотронов» и т.д., и т.п. (в целом – «активно атакующее зло») обманывают более слабых – например, пожилых людей из незащищенных социальных слоев. При этом злоумышленники часто застрахованы тем, что *не используют прямой лжи* в своих коммерческих предложениях и текстах заключаемых договоров. Они применяют множество других приемов: используют мелкий шрифт *правдивого текста* (грубый способ, быстро ставший известным) и прочие приемы – всего не перечислить. А пожилые люди, оставаясь формально дееспособными, испытывают в силу объективных, естественных причин трудности с концентрацией и распределением внимания, памятью, имеют отчасти сниженную способность рассуждать, обладают повышенной доверчивостью. Они оказываются не в состоянии ни отследить эти уловки, ни даже предположить их.

К этим случаям обмана неприменимо суждение Канта: если хитрец умышленно предоставил другому сведения так, что тот сам сделал из них неверные выводы, выгодные хитрецу, то обмана-то здесь и нет, это морально допустимая ситуация. Данное суждение, конечно же, поддержали бы вышеназванные мошенники – может быть, и добавив на своем языке: «Лох сам виноват, лоха надо

учить».

Продолжим – дело касается не только пожилых людей. Даже безыскусному обману, но осуществленному без использования прямой лжи, трудно противостоять обычному человеку. В.В.Знаков приводит пример соответствующей ситуации. В 1992 г. в Зеленограде были вброшены в продажу телевизоры отечественного производства. Эти совершенно исправные телевизоры (вполне вероятно, и с истинной, нефальсифицированной технической документацией, хотя об этом в статье не говорится) не работали в домах покупателей – не принимали программ. Оказалось, что это экспортный вариант, рассчитанный на другие длины волн. Его не удалось продать за рубежом. Ушлые организаторы продаж в Зеленограде сообразили, что подозревать подвох с длиной волн никому из горожан в голову не придет [Знаков, 1993, с. 14]. И даже если обычный покупатель – не специалист по телевизорам – добросовестно ознакомится с нефальсифицированной технической документацией, честно подготовленной изготовителем, у него не очень много шансов разобраться в подвохе, организованном на следующем этапе – продавцом.

Можно поставить проблему в более общем виде. В современной теории контрактов доказана невозможность так называемого полного, или совершенного контракта (perfect contract), который предусматривал бы абсолютно все возможные варианты развития событий, действий сторон и санкции за них [Кузьминов, Юдкевич, 2000]. Агент, более знающий и компетентный, чем клиент (иначе клиент к нему не обратился бы) всегда имеет объективную возможность использовать преимущества своей компетентности (знаний, информированности) в ущерб клиенту, не нарушая формально условий заключенного, всегда несовершенного контракта. Мы видим этому многочисленные подтверждения. Представляется, что злонамеренное использование возможностей, объективно предоставляемых несовершенным контрактом, делает невозможным любые договоренности и подрывает право не в меньшей, а может быть, и в большей мере и на значительно более глубоком уровне, чем это делает прямая вербальная ложь. Прямые лживые утверждения все-таки можно так или иначе проверить. Бороться же с вероломством, основанным на использовании всегда имеющейся неполноты договоренностей, в высшей степени трудно; все решения здесь паллиативны. Вероятно, моральную недопустимость такого вероломства можно обосновать, воспользовавшись кантовским же методом универсализации максим, который окажется здесь очень полезным.

Рассмотрим другие примеры обмана, который сторонники Канта считают допустимыми.

В духе этики Канта А.А.Гусейнов предлагает ограничить действие нормы «Не лги» пространством речи (т.е. сохранить моральный запрет лишь на вербальную ложь), и целый ряд действий и поступков считать не обманом, а следствием социоприродной необходимости. Это, например, такие действия: «уезжающий надолго домохозяин создает иллюзию, будто кто-то находится в доме, чтобы не соблазнять воров, или сооружает секретные замки» [Гусейнов, 2008, с. 116].

Подчеркнем: можно вполне согласиться с моральной допустимостью указанных действий – с той, однако, оговоркой, что это все-таки обман, но оборонительный, а потому и допустим. Как и к любому обману, к этим действиям полностью применимо рассуждение Канта о том, что, совершив их, человек инициирует цепь непредсказуемых катастрофических следствий, за которые несет ответственность. Например, другой человек (может быть, даже родственник домохозяина), нуждающийся в помощи по состоянию здоровья или же спасающийся от злоумышленников, спешит к дому, где, как ему кажется, есть люди, но тщетно – на пороге этого дома его ждет смерть. Точно так же можно описать ситуации, когда секретные замки, воплощающие идею не только секретности, но и обмана (например, создающие иллюзию другого устройства, иного расположения своих конструктивных частей и т.д., чем есть на самом деле) приводят к драматическим и трагическим последствиям, за которые владелец несет моральную и правовую ответственность.

Итак, есть поступки, которые Кант и его последователи, релятивизируя моральные нормы, рассматривают как допустимый обман или же не считают обманом вообще. Подведем

промежуточный итог и перечислим некоторые из оснований этой релятивизации.

Сам Кант релятивизирует правило правдивости в зависимости от того: а) является ли ложь средством спасения другого человека или же своих материальных ценностей (во втором случае ложь допустима); б) направлена ли ложь на обманщика, ранее солгавшего субъекту морального выбора (здесь ложь по отношению к нарушителю морали справедлива, хотя в целом и не похвальна), или же на нарушителя морали, выбравшего в качестве жертвы кого-то другого (здесь ложь совершенно недопустима); в) солгал ли человек в речи или же применял более изощренные формы обмана, не использующие прямых лживых высказываний (второе допустимо).

Отметим критерии релятивизации, осуществляемой сторонниками Канта. Н.М.Сидорова релятивизирует норму «не лги» по критерию кровного родства между беглецом и субъектом морального выбора. Близких родственников, «которых, по логике Канта, якобы тоже надо выдать убийцам», выдавать им не надо – «в случае кровного родства категорический императив может оказаться бессильным» [Сидорова, 2008, с. 181]. Иначе говоря, можно солгать убийце (похитителю, педофилу и т.д.) о местонахождении своего ребенка, а о местонахождении чужого ребенка надо сказать правду (это еще одно подтверждение звериного эгоизма кантовского морального субъекта).

О.П.Зубец релятивизирует норму правдивости в зависимости от временных и исторических масштабов оценки ситуации.

А.А.Гусейнов проводит релятивизацию по критерию используемых средств: обман с помощью вербальных средств абсолютно недопустим, с помощью других средств – бывает допустим. Последнее показывает инверсию существенного и несущественного в этике Канта: в ней не проводятся различия между злодеем и его жертвой, но зато предлагается провести различия по значительно менее важному критерию используемых при обмане средств.

Доказывая недопустимость обмана в областях, помимо им выделенных, А.А.Гусейнов пишет, что «камень, выпущенный из руки, принадлежит дьяволу» [Гусейнов, 2008, с. 109]. В системе Канта этим камнем оказывается релятивизирующее признание тех случаев, когда лгать можно, и тех, когда нельзя.

Во многих случаях с предлагаемыми версиями релятивизации оппоненты Канта – сторонники допустимости оборонительного обмана, и только его, не могут согласиться и занимают по отношению к обману более непримиримую позицию. В тех же случаях, когда согласие между сторонниками и оппонентами Канта возможно, оно зиждется для каждой из сторон на разных основаниях.

Агностицизм, релятивизм и использование математики

Объясняя сущность кантовского рассуждения, В.В.Васильев пишет: «Кант делает ключевое допущение, от которого зависит состоятельность всей его этической доктрины: последствия наших свободных действий лишь случайным образом связаны с ними, по крайней мере, если говорить о природном мире ... Своей правдивостью я косвенно содействую счастью людей. А если мои действия [например, сообщение правды. – А.Л.] приводят к их страданию, то это происходит лишь потому, что счастье и несчастье в этом мире неподвластны моральной человеческой воле, они зависят от законов природы, проявления которых находятся в случайном отношении к моим поступкам. Именно поэтому то, что мои правдивые высказывания привели к страданиям каких-то людей, никак не может быть вменено мне» [Васильев, 2008, с. 145–146].

В связи с этим О.В.Артемьева отмечает: «В устах Канта – автора рассуждения “О мнимом праве лгать из человеколюбия” незнание перестает быть ученым, и тезис о незнании обращается в догму. Если ситуацию нельзя познать с абсолютной достоверностью, то познавать не надо, необходимо

крепко держаться за безусловные принципы, что обеспечит субъекту поступка гарантированное моральное спасение» [Артемьева, 2008, с. 47–48].

Но для столь выраженного агностицизма нет оснований в самой кантовской философии: В.В.Васильев убедительно доказывает, что, согласно ее собственным общим принципам, между поступками человека и их последствиями имеется не случайная, а необходимая связь [Васильев, 2008, с. 145–146]. Это еще одно сущностное противоречие кантовской системы.

Мы же остановимся на следующей внешне парадоксальной особенности рассуждений сторонников Канта. В своей аргументации они значительно больше, чем их оппоненты, опираются на физико-математические метафоры и модели (преимущественно простые), описывающие однозначные, жесткие и неизменные связи между объектами, – как бы полагая, что здесь-то относительность и условность наших знаний и предсказаний уменьшается, а может, и исчезает вообще.

Но именно физические и математические теории относятся к тем, в которых относительность одной части допущений, ограничений, основных и вспомогательных положений обязательно выступает в явном виде (автор теории прописывает их экспликацию, и читатели могут с ней ознакомиться), а относительность другой части обнаруживается при развитии теории самим автором, его последователями и оппонентами – часто с выявлением неразрешимых противоречий моделей предшествующего уровня.

Учитывая это, представляется важным проанализировать использование физико-математических метафор и моделей сторонниками Канта.

А.А.Гусейнов считает, что рассуждения Канта сохраняют силу в этике приблизительно так же, как законы Ньютона в физике: «нигде не найти тел, которые не испытывали бы сопротивления, которые бы двигались равномерно. Но это не отменяет самого закона Ньютона. Так и ... с законом “Не лги”» [Гусейнов, 2008, с. 109]. Не вдаваясь в многократно проанализированные отношения между теорией Ньютона и теорией относительности Эйнштейна, здесь следует упомянуть открытый относительно недавно факт фундаментальной внутренней противоречивости самой теории Ньютона. Эта противоречивость раскрывается в так называемой задаче пяти тел. «Лаплас считал: законы Ньютона настолько точно отражают действительность, что на долю ученых следующих поколений только и остается извлекать их замечательные следствия. Одно из них, открытое лет пятнадцать назад, состоит в том, что если бы во Вселенной действовали только закон всемирного тяготения и законы классической механики, то можно было бы так разместить пять тел, что они бы разлетелись бесконечно далеко... за конечное время». Но – парадокс – такое невозможно в соответствии с самой теорией Ньютона. Это означает, что «даже такие великие модели реальности, как открытые Ньютоном законы, имеют ... ограниченную область применимости» [Малинецкий, 1996].

Итак, даже в теории Ньютона при анализе взаимодействий между несколькими (пятью) объектами обнаруживаются противоречия и парадоксы. Это должно быть как-то учтено при анализе исполнения моральных законов людьми в ситуации социального взаимодействия нескольких субъектов, если уж мы взяли за основу предположение, что исполнение моральных законов аналогично выполнению законов Ньютона в физике.

Есть ли в данной ньютонианской этической теории разница между разными «телами»: злоумышленником и другом; между нацистом, убивающим детей, и спасаемым ребенком; между «профессиональным мошенником-авантюристом и тем, кто умер под пыткой, настаивая на том, что впервые в жизни видит своего соратника» [Скрипник, 2008, с. 191], и т.д.? Ответы сторонников теории: «Разницы между ними нет, она не больше, чем между пунктами А и В в математической задаче» [Гусейнов, 2008, с. 110]. «Не меняем же мы в конце концов сумму углов треугольника со 180 на 181 или 179» градусов, видоизменяя и подгоняя эти суммы под конкретные ситуации! (См.: [Сидорова, 2008, с. 180].) Точно так же не надо менять и способ рассуждения, поддаваясь на доводы

оппонентов Канта, приводящих «очередной слезный пример», по выражению Н.М.Сидоровой.

Дело не в слезных примерах. Проблема в том, что этическая теория, в которой эмпирическим различениям злодея и невинной жертвы нет никаких соответствий на теоретическом уровне; этическая теория, не только не имеющая, но и, более того, не желающая иметь аппарат для такого рода различений, выбрала слишком уж редуцирующую теоретическую простоту.

Вернемся к геометрии: сторонники Канта, убежденные в незыблемости метафоры суммы углов треугольника и незыблемости самой этой суммы, упускают из вида, что она равна 180° только на плоской поверхности (в системе Евклида), а на более сложных поверхностях эти суммы другие, они изменяются и зависят от типа поверхности (что описано в разных неевклидовых геометриях). Но сторонники Канта не меняют эту сумму нигде – для них это вопрос принципа.

Судя по тексту Н.М.Сидоровой, ей представляется красивой модель взаимодействия твердых тел – шара, плоскости и т.д. с их (якобы) незыблемой аксиоматикой. Характерно, что следствием этой модели, на которое обратила внимание Н.М.Сидорова, и оно показалось ей особенно интересным, является обоснование практической ненужности мытья предметов сложной формы. Ведь они, в общем случае, касаются других тел только в отдельных геометрических точках с нулевой площадью, на которых микробы не задержатся. Разумеется, это шутка Н.М.Сидоровой. Но данную модель, как явствует из текста, она ценит по-настоящему. Вопрос – почему красивой она считает именно ее, а не более совершенные математические модели, которые описывают взаимодействие тел с учетом их разных характеристик (например, упругости) и позволяют рассчитать поверхность их контакта в разных условиях (а значит, кстати, оценить и количество микробов)? Ответ дан выше: парадигмальный выбор сторонников Канта – редуцирующая простота в ущерб адекватности. Учет сложности взаимодействий (между физическими объектами, между моральными субъектами) представляется как уступка здравому смыслу, снижающая уровень теории. А неспособность (неготовность, нежелание) учесть эту сложность рассматривается как достоинство. Сторонники Канта с гордостью подчеркивают, что они и не должны учитывать реальность, поскольку сущее не тождественно должному. На самом деле они отказываются учитывать не реальность, а сложность.

Попытка сторонников Канта перейти к более сложной математической теории связана с не имеющей непосредственного отношения к Канту моделью двух этических систем В.А.Лефевра. Она «дает достаточно подробную классификацию нормативных человеческих характеров в каждой этической системе и указывает на связь типа системы с нормативной оценкой комбинации добра и зла» [Лефевр, 2002, с. 24–26]. Герой 1-й этической системы склонен к жертвенному компромиссу, а герой 2-й – к жертвенной борьбе. Для 1-й системы характерен запрет зла, например: «не лги», для 2-й – призыв к добру: «будь правдив» (в модели вводится принципиальное различие между этими двумя требованиями). Приверженец 1-й этической системы будет вести переговоры с террористами, захватившими небольшой самолет [Лефевр, 2003, с. 119], и не будет на переговорах лгать.

Но в настоящий момент В.А.Лефевр в своей модели не дает развернутых логико-математических выводов о том, как будет вести себя приверженец 1-й этической системы (и не изменится ли сама эта система) в ситуации пришедшего массового зла, уже делом доказавшего свою готовность к неограниченным массовым убийствам. Ведь даже аллегорический дракон, пришедший в начале времен обеих этических систем В.А.Лефевра, – это не серийный убийца (а такое миролюбие для драконов скорее редкость). Он убил только одного человека, вышедшего ему навстречу из города, сразу исчез и больше никогда в истории не появлялся [Лефевр, 2002, с. 24–26]. Террористы в примере захватили небольшой (!) самолет, и ничего не говорится о том, убили ли они кого-нибудь и собираются ли убивать вообще. А среди нормативных индивидов, выделяемых в теории В.А.Лефевра, есть 4 типа – жертвенные индивиды (святой и герой), нежертвенные индивиды (обыватель и лицемер), но серийные убийцы, объединившиеся в группы, здесь опять-таки не представлены.

Соответственно, у нас нет информации, что математическая теория рефлексии В.А.Лефевра скажет, например, о нравственном поведении домохозяйки при столкновении с нацистом из примера Макинтайра. Домохозяйка знает состояние мира (нацисты уже совершили множество массовых убийств, они это не скрывают, а делают подчеркнуто демонстративно) и рефлексиирует свои этически-просветительские возможности в отношении вразумления нациста (свои возможности изменения «доктрины противника посредством его обучения», в терминах В.А.Лефевра). У нее есть все основания полагать, что в своей практике геноцида он сталкивался с самыми разными аргументами, но раз он теперь здесь, перед ее домом, и задает свой вопрос о детях, эти аргументы его не убедили. Как такая рефлексия домохозяйки повлияет на ее моральный выбор? С одной стороны, если она – приверженец 1-й этической системы, то должна вступить в переговоры и не лгать. С другой стороны, опять-таки как приверженец 1-й этической системы она убеждена, что даже «одно убийство ради счастья всего человечества есть зло...», отказ от убийства, даже если это убийство может принести счастье всему человечеству, есть добро» [Лефевр, 2003, с. 145], а сказать правду нацисту означает способствовать убийству ребенка. (По условиям, она приверженец 1-й этической системы, а они, как впрочем и приверженцы 2-й, вовсе не являются одновременно и сторонниками аргументации Канта об отсутствии закономерных связей между действиями и их последствиями, о чем Н.М.Сидорова умалчивает.) Для приверженца 1-й этической системы здесь явно должна возникнуть дилемма, возможно, неразрешимая, и это требует особого рассмотрения, чего Н.М.Сидорова не делает.

Отдельный вопрос – соотношение типов, населяющих этические системы В.А.Лефевра, и моральных субъектов по Канту. Н.М.Сидорова пишет, что в модели В.А.Лефевра для выживания социума нужна критическая масса приверженцев 1-й этической системы. Но, апологизируя этику Канта, она не ставит следующего вопроса. Какая критическая масса моральных субъектов, готовых – следуя Канту – при необходимости столкнуть утопающего с доски, лгать, спасая свои ценности и т.д., для социума губительна?

Таким образом, в какой степени математическая модель В.А.Лефевра подтвердит или опровергнет редуцирующую простоту идей последователей Канта, остается под вопросом.

Несмотря на тенденцию использования математических моделей, метафор и аллегорий, сторонники Канта почему-то не предлагают математических обобщений непосредственно для рассматриваемого случая Канта – тех самых обобщений, которые позволяют все четче и острее моделировать «каркас ситуации предельного выбора» и лучше узнавать, «выдержит ли внутренняя конструкция категорического императива такое испытание – говорить правду всем, всегда и везде, невзирая ни на какую опасность». Мне кажется важным предложить одно из таких обобщений, сыграв по правилам логики сторонников Канта. Оно не абсолютно предельно (возможности еще есть), но по отношению к нему случай Канта является лишь конкретизацией. Возврат к этому случаю при отказе от предлагаемого обобщения представлялся бы проявлением логической непоследовательности и морального релятивизма, предпочитающего отбирать те или иные частные ситуации, игнорируя стоящую за ними сущность. (Этот упрек полностью аналогичен тому, который сторонники Канта выдвигают против его оппонентов: не надо, мол, пытаться обосновать особость случая со злоумышленником в ряду других случаев лжи, осуждаемых Кантом, – например, лжи заемщика кредитору.) Будем надеяться, что сторонники Канта не начнут вдруг сами настаивать на особости случая Канта в ряду предлагаемых ситуаций.

Итак,

Обобщенное следствие Канта для множества друзей (для N друзей)

Если некто знает о расположении своих друзей, прячущихся от убийц в разных местах, то каждый раз, когда убийцы являются к нему с честным сообщением об очередном убитом друге, материальными подтверждениями убийства и вопросом, где находится следующий ($k+1$ -й) друг,

обещая его тоже убить, то этот некто, будучи не в состоянии ни предупредить будущих жертв (находясь, например, в заточении), ни уклониться от ответа, должен честно отвечать на вопрос (ибо запрет на ложь абсолютен, и лгать нельзя никому и никогда).

Процедура повторяется до тех пор, пока не кончатся все друзья.

Ситуация оказывается особенно трагичной, если этот некто – друг всему человечеству, каким и должен быть моральный, по Канту, субъект.

Представляется, что данное обобщенное следствие важно сразу во множестве отношений.

Оно хорошо иллюстрирует тезис Канта: «Правдивость в высказываниях, от которых нельзя уклониться, есть формальный долг человека по отношению ко всякому, *сколько бы велик ни был вред, проистекающий от этого для него или для кого-то другого*» [цит. по: Васильев, 2008, с. 145; курсив мой – А.П]. В.В.Васильев, который привел эту цитату, предлагает повторить ее несколько раз, чтобы понять ее смысл. Предлагаемое обобщение отчасти поможет этому пониманию.

Также данное обобщение позволяет непосредственно, с математической точностью иллюстрировать рассуждение, что человек, который в описываемой ситуации начнет говорить неправду хотя бы после 100-го убитого друга, так же далек от нравственного идеала правдивости, как и тот, кто оказался слаб духом и солгал сразу о 1-м друге, – ведь тот, «кто находится за сто стадий от Каноба или за одну стадию от Каноба, те одинаково не находятся в Каноба».

Сторонники Канта также могут попробовать обосновать тезис, что приверженец 1-й этической системы и в такой предельной ситуации ни разу не солжет о местонахождении своих друзей, и внесет тем самым вклад в математическую теорию В.А.Лефевра.

Вообще, поклонники математических идеализаций и совершенных фигур, относительно которых проводится строгое доказательство, смогут на новом уровне подтвердить свою мысль, что нельзя менять аксиоматику «не лги», подгоняя ее под наличную ситуацию, а ориентироваться на здравый смысл означало бы отказаться от величайших достижений человечества.

В связи с этим можно сказать лишь, что если из моральной аксиоматики вытекают такие следствия, значит, есть по-настоящему большие проблемы с данными аксиомами как системой.

Наконец, предлагаемое обобщение позволит сторонникам Канта поднять на новый уровень аргументацию агностицизма и познавательного релятивизма о случайности и катастрофичности инициированных событий в случае лжи уже серийным убийцам людей, и, соответственно, о череде чудес в случае, если персонаж будет с этими убийцами правдив.

Цена апологии кантовского эссе

Сочетание наибольшего восхищения «замечательным эссе» Канта с наиболее далеко идущими обвинениями в адрес его оппонентов представлено в статье Н.М.Сидоровой, и на нем нельзя не остановиться особо. Это мы и сделаем.

Первоначально апология не очевидна. Прочитав название статьи «Когда Кант будет услышан и сколько за это надо заплатить?», читатель, знающий предмет, вправе задуматься – что именно автор имеет в виду. Возможно, автор задается вопросом: что произойдет, если всеми будет услышан тезис Канта о необходимости сбрасывания невинного утопающего с доски, и сколько надо заплатить, чтобы все люди содержанием этого тезиса прониклись? Или – какова может быть цена всеобщей, освященной авторитетом Канта готовности использовать вероломные приемы, не связанные с вербальной ложью? Или, может быть, Н.М.Сидорова собирается доказать, что кантовский тезис о

справедливости обмана обманщика принципиально противостоит афоризму матери Терезы, сказавшей: «Если вы честны и откровенны, то люди будут обманывать вас. Все равно будьте честны и откровенны», и проанализировать цену этого противостояния?

Но после короткого введения с шутливым доказательством, что мыть грязное необязательно, и обоснования необходимости отлета от здравого смысла цель автора проясняется. Эта цель – представление этики Канта как безупречной с точки зрения высших нравственных оценок и способной служить нравственным образцом при построении будущего счастья человечества. Понятно, что для достижения этой непростой цели Н.М.Сидорова должна использовать определенные средства. Основным (хотя и не единственным) средством оказалось *полное умолчание о каких бы то ни было противоречиях в этике Канта*, создание впечатления единства и стройности самой этой системы и ее единения, например, с позицией матери Терезы. Это – та цена, которую Н.М.Сидорова платит за то, чтобы лучше донести свои идеи о необходимости абсолютной искренности и правдивости до читателя.

Об уровне научной логики и последовательности при аргументации тех положений, которые представлены для обсуждения, свидетельствует следующий фрагмент статьи с примером декабристов (видимо, его Н.М.Сидорова «слезным» и оценочно перегруженным не считает – в отличие от примеров, приводимых оппонентами Канта).

«Декабристы на допросах называли имена других участников заговора не из трусости и подлости, а от внутренней невозможности солгать... Число пострадавших ... возрастало. Но для декабристов ложь, тем более своему государю, вызывала крушение всего мира ценностей, моральную гибель... В советское время факт массовых признательных показаний декабристов во время дознания никогда не афишировался в школьных учебниках и всегда вызывал недоумение: как могли герои 1812 года дать такую слабину, стать предателями собственных друзей? Наше непонимание их мотивов показывает, сколь сильно изменилась моральная аксиоматика общества с той поры. Как должны были измениться мы сами, чтобы считать виновным ... в несправедном приговоре – прямодушного свидетеля..?» [Сидорова, 2008, с. 184–185][2].

Представляется, что нравственная обязанность специалиста по Канту по теме правдивости и обмана должна была состоять здесь в том, чтобы проанализировать и выразить отношение к двум следующим альтернативам:

а) нереализованная альтернатива: подобно Канту, который пошел на обманную уловку во взаимодействии с монархом, спасая возможность своего интеллектуального творчества, декабристы тоже могли бы все-таки пойти на какие-то обманные уловки, спасая своих соратников от государева смертного приговора, и в этом не было бы ничего предосудительного, раз уже такое делал философ – автор образцовой этической системы;

б) декабристы на обманные уловки с государем в реальности не пошли (кто знает, может быть, и прочитав кантовское эссе «О мнимом праве лгать из человеколюбия»), а сам Кант пошел – следовательно, у него более низкие представления о чести и он – представитель 2-й, критикуемой, этической системы, по В.А.Лефевру.

Но Н.М.Сидорова, осуществив, очевидно, скрытую релятивизацию оценок, умалчивает о необходимости этого принципиально важного сопоставления.

Далее. По Н.М.Сидоровой, защита права обмануть военного противника – черта 2-й этической системы. Но, насколько известно, никто из участников войны 1812 г., в том числе и будущие декабристы, не осудил маневры Кутузова. Один из самых известных, Тарутинский маневр, состоял в том, что основная часть русской армии после битвы под Москвой скрытно отошла к селу Тарутино, чтобы перехватить французские войска при будущем отступлении. Для прикрытия этого маневра небольшая часть русской армии совершила свой обманный маневр – она имитировала

арьергард отходящей русской армии, заманивая собой французские части по другому направлению. Надо ли это осуждать? И что надо было бы сказать о чести русского офицера, который, попав в плен, честно и прямодушно ответил бы на вопросы об этом обманном маневре?

Наконец, чтобы утверждать, что моральная аксиоматика изменилась, нужно сравнивать не моральные принципы наиболее нравственно развитого слоя одного исторического периода (декабристов) с уровнем нравственности цензоров школьных учебников другого (советского) периода (да и в XIX веке цензоры – особая группа по своим моральным установкам, не вполне декабристы); нужно сравнивать моральную аксиоматику в *сопоставимых социальных группах*.

И так далее – описание противоречий и в этом фрагменте статьи, и в других можно продолжать.

Помимо апологии кантовского эссе, вторая масштабная цель статьи Н.М.Сидоровой – обосновать глобальный тезис о том, что сторонники права на оборонительную ложь, «ложь во спасение» ведут дело ко лжи «злонамеренной, разъедающей все социальные структуры как неизлечимый рак» [Сидорова, 2008, с. 185], к политическим репрессиям и кровавым войнам. А именно, Н.М.Сидорова пишет: «Все самые страшные военные и политические катастрофы XX века оказались возможными именно потому, что общество утратило иммунитет против использования морально запрещенных средств ради благих целей. Но связь между отказом от бескомпромиссной кантовской позиции и кровавыми войнами XX века не всеми осознана. Что еще должно случиться, чтобы всем стало ясно, что лгать нельзя никому и никогда? <...> на коротком промежутке принятия индивидуального морального решения Кант слишком много требует от грешного человека и слишком мало обращает внимания на страдания его близких и потому не прав в глазах общественного мнения. Но на сколько-нибудь длительном историческом отрезке он побеждает с явным преимуществом...» [Там же].

Здесь приходится с искренним сожалением констатировать, что далеко не всеми (по крайней мере, не Н.М.Сидоровой) осознана и другая связь – связь между бескомпромиссной кантовской позицией, войнами и репрессиями. Ведь бескомпромиссная кантовская позиция включает следующее: «в своей теории международных отношений он [Кант. – А.Л.] допускает оправданность даже превентивной войны против государства, чьи намерения совершить агрессию подтверждаются исключительно наращиванием военной мощи» [Прокофьев, 2008, с. 84]. Интересно, что по этому поводу сказала бы мать Тереза.

Н.М.Сидорова словно не знает о величине вклада в массовые репрессии людей, совершенно искренне веривших в победу «с явным преимуществом» пропагандируемого ею взгляда «с точки зрения вечности»; в то, что лучше быть другом будущему человечеству, а не другом конкретным людям здесь и сейчас; и в то, что не следует обращать внимание на сегодняшние страдания близких, поскольку стоят более перспективные задачи и цели. Нужно подчеркнуть – это были честные и очень бескомпромиссные люди.

Именно эти реальные люди, бескомпромиссно следующие долгу правдивости и долгу служения будущему счастью человечества, выступали прототипами для художественных произведений – например, для многократно переизданной, поставленной на сценах многих театров, несколько раз экранизированной пьесы А.К.Тренева «Любовь Яровая» (1927). Кульминация пьесы: главная героиня, Любовь Яровая, отвечая на вопрос, не к ней, а к другому персонажу обращенный, по собственной инициативе выдает красноармейскому патрулю мужа-белогвардейца, скрывающегося у нее в доме. На реплику комиссара: «Спасибо, я всегда считал вас верным товарищем» она отвечает: «Нет, я только с нынешнего дня верный товарищ».

И это не литературное преувеличение – друзей и родственников предавали в руки тогдашнего «правосудия» и люди, искренне верившие, что этого требует долг, а не только мерзавцы, решавшие свои корыстные задачи и сталкивавшие близких с досок при разных возникающих по ходу дела необходимости.

В целом создается впечатление, что Н.М.Сидорова не понимает следующего. Убеждение в том, что лучше быть другом конкретным людям и пытаться спасти их от смерти сейчас, чем быть другом будущему человечеству в целом, развилось и окрепло в результате столкновения с кровавыми последствиями дел тех, кто честно и бескомпромиссно действовал на благо человечества, игнорируя страдания и смерти близких. Это убеждение наиболее ясно выражено в тезисе Ф.М.Достоевского о невозможности построения счастья мира даже на одной слезинке ребенка.

Но Н.М.Сидорова знает, что будущее счастье человечества заслуживает того, чтобы часть близких сейчас пострадала. Она критикует как утилитаристские представления о том, что «небольшая ложь ради спасения бесценной и неповторимой жизни – не такая уж и большая цена» [Сидорова, 2008, с. 184].

Запишет ли Н.М.Сидорова Фазиля Искандера с его описанием крота и удава в приверженцы 2-й этической системы, из-за которых, как она гневно пишет, «мы имеем то, что мы имеем: такую историю, такой народ, таких правителей, коллег и соседей» [Там же], в оппоненты Канта, которые, по ее убеждению, могут предъявить только «избирательное правосудие, коррупцию, политические репрессии и бесконечные войны, освященные правительственной ложью» [Там же, с. 185–186]? Или она сочтет, что просто Фазиль Искандер не занимает рефлексивной позиции по проблемам нравственности и работает на коррупцию, репрессии и правительственную ложь бессознательно, по неведению? Ее точку зрения по этому вопросу мы пока не знаем.

Зато мы знаем, что Н.М.Сидорова знает причину социального рака – отказ от бескомпромиссной кантовской позиции. Этому оптимизму можно отчасти позавидовать. Я доверяю тем специалистам-биологам, которые подчеркивают сложность и многоуровневость причин даже более простого, медицинского рака. Что касается рака социального, мне кажется, что одним из его признаков (не причин) являются ситуации, когда *сторонник абсолютности какого-либо принципа начинает доказывать, что противники его абсолютности, аргументированно доказывающие свою точку зрения, – источник социального рака.*

Впрочем, практика показывает, что при развитых формах этой социальной болезни непримиримые и бескомпромиссные идейные противники оказываются объединены в эмпирической реальности одной палубой «философского парохода», общим вагоном, тюремной камерой, стенкой, перед которой надо встать в последний раз, газовой камерой.

Не думаю, что мое отношение к массовым репрессиям хоть на йоту лучше отношения Н.М.Сидоровой. Именно поэтому с не меньшей силой, чем она, я хочу, чтобы учение Канта было услышано, понято и заняло то место, которое должно занять. А это место определяется, наряду с величайшими достижениями мысли Канта, еще и неспособностью и нежеланием различать жертву и злодея, нациста и убиваемого им ребенка, бескомпромиссной готовностью говорить правду, сколь бы ни был велик вред от этого другим, и так же бескомпромиссно лгать, если речь идет об избегании ущерба тебе самому, множественными нравственными (точнее, безнравственными) системными противоречиями и парадоксами, свидетельствующими об игнорировании не только здравого смысла, но и своих собственных теоретических положений.

Что касается непосредственных следствий в эмпирической реальности, я опасюсь следующего. Как пишет Н.М.Сидорова, в своей педагогической деятельности со студентами и школьниками она разбирает эссе Канта и отстаивает свою позицию, хотя с ней и соглашается лишь небольшая часть слушателей. Я по-настоящему боюсь, что кто-то из них, поддавшись полемическому запалу Н.М.Сидоровой («Лгать нельзя никому и никогда!», это «предельное основание культуры» и т.д.), совершит безумие. Исполняя долг правдивости и повышая свою самооценку, он соберет-таки волю в кулак и сообщит преступнику правду, которая нужна тому для преступления (за исключением, конечно, информации о близких родственниках, как подчеркивает Н.М.Сидорова). Такая правдивость будет идти вразрез с рекомендациями учебников по безопасности жизнедеятельности:

обманывать в случае необходимости подозрительных лиц – говорить незнакомцам, что в доме есть люди, хотя их там нет, и т.д. Но авторы данных учебников – известные утилитаристы, им бы жизни детей все спасти да спасти, не думая о будущем благе человечества. Учебный курс Н.М.Сидоровой может показаться кому-то из слушателей эмоционально убедительнее и привлекательнее, чем школьные руководства, и он решится «мужественно сказать невыгодную правду». Я понимаю, что для сторонников взгляда «с точки зрения вечности» будущее счастье человечества стоит того, чтобы заплатить и эту цену.

Заключение

В данной статье мы развернули аргументацию, свидетельствующую, что сторонники кантовской точки зрения – «абсолютисты» осуществляют мощную и масштабную релятивизацию максимы правдивости и занимают как по ряду теоретических положений, так и по множеству конкретных случаев более конформистскую позицию по отношению ко лжи и обману, чем оппоненты Канта – «релятивисты».

Противостояние «абсолютистов» и «релятивистов» в полемике о нравственном принципе правдивости можно интерпретировать с разных точек зрения. Представляется, что одна из таких возможных точек зрения, пока мало или совсем не затронутая в обсуждении, – рассмотрение данной полемики как диалога сторонников *редукционистского и холистического* (целостного) методологических подходов, но с важными дополнениями, о которых будет сказано. Понятие «редукционистский» используется здесь не в отрицательном оценочном смысле, а в нейтральном – как характеристика общих методологических установок и используемого исследовательского аппарата. В дальнейшем рассуждении я пытаюсь занять позицию как бы со стороны, пытаюсь отстраниться по возможности и от своей приверженности холистическому подходу, и от убежденности, что кантовское правило «не лгать» насыщено противоречиями на теоретическом уровне и может вести к трагедиям в эмпирической реальности. Но делаю это с пониманием, что полное абстрагирование от уже осуществленного парадигмального и мировоззренческого выбора, естественно, невозможно.

Редукционистский подход исходит из существования немногих принципов, из которых можно вывести *все* более конкретные принципы и частные случаи. Здесь доминирует дедуктивный стиль мышления, идущий от общего правила к конкретным случаям и «противящийся» случаям, которые под правила не подпадают. Индуктивные рассуждения рассматриваются как методологически предосудительные, низкого уровня. Рассмотрение сложных взаимодействий минимизируется или не осуществляется вообще – например, за счет того, что в явном виде вводится аксиома отсутствия взаимодействий между изучаемыми сущностями. В системе Канта не могут конфликтовать между собой абсолютные обязанности, в современной теории принятия решений, реализующей редукционистский подход, имеется аксиома, которая исключает возможность взаимодействия между исходами (последствиями) [Козелецкий, 1979, с. 95], и т.д.

Холистический подход стремится охватить в целостной картине все многообразие объектов, их связей и взаимодействий, в том числе и тех, которые выглядят конфликтующими, противоречивыми и взаимоисключающими, что создает многозначный контекст [Ротенберг, б/д]. Индуктивные рассуждения не считаются более низкими по уровню, чем дедуктивные. Предмет отрефлексированного интереса – отклонения от априорно заданной схемы и общих правил, непредсказуемость. Особое внимание уделяется сложным взаимодействиям.

Важно подчеркнуть, что предпосылкой мощного развития редукционистских подходов в Новое время в разных областях было явление, которое лауреат Нобелевской премии И.Пригожин называет господством «иллюзии универсального». Это иллюзия возможности существования единой, «божественной», точки зрения, «с которой открывается вид на всю реальность», и иллюзия возможности существования единого, универсального, самого совершенного метода, применимого к

любимым областям, объектам, процессам и состояниям [Пригожин, Стенгерс, 1986, с. 289]. Идеалом для всех наук до середины XIX века служила механика Ньютона. «Имя Ньютона стало нарицательным для обозначения всего образцового ... стратегия Ньютона состояла в вычленении некоторого центрального твердо установленного и надлежаще сформулированного факта и в последующем использовании его как основы дедуктивных построений относительно данного круга явлений» [Там же, с. 70]. Таким образом, «иллюзия универсального» основывалась на механистическом детерминизме [Рузавин, 1999].

Как показывает К.Глой, и преимуществом, и недостатком редукционистского подхода и порождаемых им систем статического, инвариантного типа является то, что они создают более однозначные, простые, внутренне непротиворечивые модели реальности. Принципиальной слабостью таких инвариантных систем является непреодолимый разрыв между бесконечным богатством изменяющейся реальности и идеализирующим понятийным единством, простотой и точностью.

Как попытка преодоления недостатков систем статического типа возникли теория динамических систем, науки о сложности (complexity sciences), развивающие холистический подход. Их аппарат способен конструктивно, не впадая ни в свёрхдетерминизм, ни в агностицизм, работать с понятиями неопределенности, нестабильности, непредсказуемости и рассматривать множественные взаимодействия. Однако решающее обоснование преимуществ подхода динамических систем тоже невозможно, поскольку упирается в свой парадокс: совокупное множество всех динамических структур есть одновременно и структура, и неструктурированная предпосылка структуры [Глой, 1994, с. 94–105]. Таким образом, проблема решающего преимущества того или иного из этих подходов, берущих свое начало еще с трудов древнегреческих философов, не имеет решения. Оба подхода отражают определенные аспекты изучаемой реальности и являются взаимодополнительными по отношению друг к другу. Поэтому *холистический подход всегда включает и редукционистские стратегии, а редукционизм – холистические* [Поддьяков, 2007].

Несмотря на эту взаимодополнительность, определенные противоречия между данными подходами являются мировоззренческими, парадигмальными, и поэтому их представителям крайне сложно договориться друг с другом – даже в областях естественных наук, где критерии принятия решений кажутся проще. В полемике же о нравственном правиле правдивости методологическое противостояние редукционистского и холистического подходов по ряду позиций усилено, умножено, возведено в степень противостояния нравственных ценностей. Принципиальный элемент глобального противостояния: сторонники Канта считают, что лучше быть другом будущему человечеству, чем другом конкретным людям здесь и сейчас; оппоненты – что лучше быть другом конкретным людям, чем другом будущему человечеству. И те и другие убеждены, что нравственную цель нельзя достигать безнравственными средствами, но в силу различий в иерархии нравственных ценностей каждая сторона считает, что ее оппоненты пытаются плохими средствами достичь сомнительных целей (в лучшем случае – ошибочно поставленных).

При этом данный диалог-противостояние [3] можно считать конструктивным. Мне представляется очень важным положение А.П.Скрипника о том, что нравственность – не завершённый продукт, а активность, творческий поиск, творческая деятельность; она основана не на абсолютах в готовом виде, а на становящихся абсолютах.

Б.Г.Капустин также пишет, что моральные абсолюты – результат бесконечного исторического экспериментирования, осуществляемого в деятельности людей. Но при этом он подчеркивает неустранимую логическую и генеалогическую зависимость релятивизма от абсолютизма, состоящую в том, что лишь после формирования абсолюта возможна его релятивизация. Это положение можно дополнить другим – о неустранимой зависимости абсолютизма от релятивизма, и подтверждения этой зависимости рассмотрены в представленной нами статье.

Постоянно идущее становление нравственного абсолюта осуществляется не только за счет того,

что «абсолютисты» сохраняют и охраняют абсолют от разрушения, а «релятивисты» его размягчают и разрушают, что кажется очевидным. Дело обстоит сложнее и интереснее. «Абсолютисты» сами работают и на сохранение абсолюта, и на его релятивизацию, размывание, разрушение. А «релятивисты» не только разрушают, но и защищают нравственные принципы от релятивизации и разрушения «абсолютистами».

Происходящую полемику можно рассматривать как одну из необходимых составляющих этой творческой деятельности.

Исследование поддержано Российским гуманитарным научным фондом, проект 10-06-00322а.

Литература

Апресян Р.Г. Комментарии к дискуссии // Логос. 2008а. N 5. С. 196–197.

Апресян Р.Г. О праве лгать // Логос. 2008b. N 5. С. 4–18.

Артемяева О.В. Об оправданности лжи из человеколюбия // Логос. 2008. N 5. С. 40–59.

Васильев В.В. Маргиналии к работе Канта о мнимом праве на ложь // Логос. 2008. N 5. С. 144–150.

Глой К. Проблема последнего обоснования динамических систем // Вопросы философии. 1994. N 3. С. 94–105.

Гусейнов А.А. Что говорил Кант, или Почему невозможна ложь во благо // Логос. 2008. N 5. С. 103–121.

Дубровский Д.И. К вопросу о добродетельном обмане // Логос. 2008. N 5. С. 19–22.

Знаков В.В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 1993. N 2. С. 9–16. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1993/932/932009.htm> (дата обращения: 02.01.2010).

Зубец О.П. Ложь как самоустранение // Логос. 2008. N 5. С. 91–102.

Искандер Ф. Кролики и удавы. [Электронный ресурс] [Б.г.]
URL: <http://lib.ru/FISKANDER/kroliki.txt> (дата обращения: 02.01.2010).

Калинников Л.А. Кант в русской философской культуре. Калининград: Изд-во РГУ им. И.Канта, 2005. 311 с.

Кант И. Лекции по этике. М.: Республика, 2005. 431 с.

Кант И. Метафизика нравов в двух частях. Часть первая: Метафизические начала учения о праве // И.Кант. Соч. в 6 т. Т. 4, ч. 2. М.: Мысль, 1965.

Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия [Электронный ресурс] // И.Кант. Трактаты и письма / ред. А.В.Гулыга. М.: Наука, 1980. С. 232–237.
URL: <http://www.ethicscenter.ru/biblio/kant.html> (дата обращения: 02.01.2010).

Капустин Б.Г. Критика кантовской критики «права лгать» // Логос. 2008. N 5. С. 122–143.

Козелецкий Ю. Психологическая теория решений: пер. с польск. М.: Прогресс, 1979. 504 с.

Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Курс лекций по институциональной экономике: в 3 ч. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

Левфевр В.А. Алгебра совести. М.: Когито-Центр, 2003. 436 с.

Левфевр В.А. Стратегические решения и мораль [Электронный ресурс] // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. N 1. URL: http://www.reflexion.ru/Library/Lefebvre_2002_1.htm (дата обращения: 02.01.2010).

Малинецкий Г. Линия Урана [Электронный ресурс] // Знание – сила. 1996. N 8. С. 60. URL: http://www.znanie-sila.ru/news/issue2print_60.html (дата обращения: 02.01.2010).

Логос. 2008. N 5. [Электронный ресурс] URL: http://www.prognosis.ru/logos/5_2008.pdf (дата обращения: 02.01.2010).

Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000. 928 с.

Поддьяков А.Н. Ориентировочная и дезориентирующая основы деятельности: иерархии целей обучения в конфликтующих системах [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 2002. N 5. С. 79–89. URL: <http://hse.ru/data/956/913/1235/orientation.doc> (дата обращения: 02.01.2010).

Поддьяков А.Н. Сравнительная психология развития Х.Вернера в современном контексте [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2007. N 1. С. 63–71. URL: http://hse.ru/data/138/913/1235/сравнительная_психология.doc (дата обращения: 02.01.2010).

Поддьяков А.Н. Философия образования: проблема противодействия [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 1999. N 8. С. 119–128. URL: <http://hse.ru/data/884/913/1235/philosophy.doc> (дата обращения: 02.01.2010).

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

Прокофьев А.В. Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль. Вып. 9. М.: ИФРАН, 2009. С. 122–145.

Прокофьев А.В. Кант, обман, применение силы... // Логос. 2008. N 5. С. 60–90.

Ротенберг В.С. Образ «Я» и поведение [Электронный ресурс] // [Сайт психофизиолога Вадима Ротенберга] URL: http://rjews.net/v_rotenberg/book.htm (дата обращения: 02.01.2010).

Рузавин Г.И. Концепции современного естествознания. М.: Культура и спорт: ЮНИТИ, 1999. 288 с.

Сидорова Н.М. Когда Кант будет услышан и сколько за это надо заплатить? // Логос. 2008. N 5. С. 179–187.

Скрипник А.П. К проблеме лжи в этике И.Канта // Логос. 2008. N 5. С. 188–195.

Соловьев Э.Ю. Человек под допросом (нелживость, правдивость и право на молчание) // Логос. 2008. N 5. С. 23–34.

Яковенко И. В чем ошибся Хантингтон? (Монолог культоролога) [Электронный ресурс] // Знание – сила. 2002. N 1. С. 11–19. URL: http://www.znanie-sila.ru/online/issue_1520.html (дата обращения: 02.01.2010).

02.01.2010).

Ярошевский М.Г. Социальные и психологические координаты научного творчества // Вопросы философии. 1995. N 12. С. 118–127.

MacIntyre A. Truthfulness and Lies: What Can We Learn from Kant // MacIntyre A. Ethics and Politics: Selected Essays. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press. 2006.

Poddiakov A. «Trojan horse» teaching in economic behavior [Электронный ресурс] // Social Science Research Network. 2004. URL: <http://ssrn.com/abstract=627432> (дата обращения: 02.01.2010).

[1] Проблема в случае с эссе Канта состоит в следующем. Кант отвечает на текст Констана – тот критически написал о некоем «немецком философе», который «дошел до того, что утверждает, будто солгать в ответ на вопрос злоумышленника, не скрылся ли в нашем доме преследуемый им наш друг, – было бы преступлением» (Констан, цит. по: [Кант, 1980, с. 232]). Кант принимает критику не названного Констаном «немецкого философа» на свой счет («Признаю, что это действительно было мною высказано в каком-то месте, которого я, однако, теперь не могу вспомнить») и резко отвечает Констану, называя его в дальнейшем тексте эссе аналогично – «французским философом».

Но похоже, что Кант ошибочно (возможно, в силу пожилого возраста и «инерции усталого ума») принял критику на свой счет. В пользу этого свидетельствует следующее. Трудно пожаловаться на малое число исследователей и слабую изученность текстов Канта за последние 200 лет – но среди этих текстов до сих пор не найдено того исходного кантовского произведения, в котором Кант до Констана описал бы этот случай лжи злоумышленнику и развернул то рассуждение о необходимости правдивости даже по отношению к злодею, за которые Констан критикует некоего «немецкого философа». Устные утверждения (например, *К.Фр. Крамер утверждал, что сам Констан сказал ему, что имел в виду Канта*) здесь явно недостаточны. При опоре на устные высказывания, да еще переданные третьим лицом, велика вероятность ошибок, добросовестных заблуждений, влияние желания представить ситуацию в определенном свете у хотя бы одного участника пересказа и т.п.

Итак, до сих пор не обнаружено текста о злоумышленнике, которому надо сказать правду о местонахождении друга, написанного Кантом до статьи Констана. Но более ранний текст с обоснованием такой идеи, действительно, существовал, и написал его другой немецкий автор – И.Д.Михаэлис [Апресян 2008а, с. 196], а Канта же, «похоже, подвела память» [Васильев, 2008, с. 149], и на самом деле он, Кант, не писал до Констана такого текста. Если это так (а до тех пор пока не будет найден лишь гипотетически существующий исходный кантовский текст, именно это приходится считать самым вероятным), Кант попал в ловушку мнимого «оппонентного круга» – если использовать здесь термин М.Г.Ярошевского [1995]. То есть Кант написал эссе и проработал аргументацию, яростно обсуждаемую уже более двухсот лет, в ответ на критику, не против него, Констана, направленную. Удивительнейший казус! Другое дело, что теоретические «заделы» для этой аргументации у Канта уже имелись и констановский пример позволял Канту развернуть важные для него доводы «о независимости последствий поступка от самого этого поступка» [Васильев, 2008, с. 149].

[2] Вплетенное автором в цитируемый фрагмент обсуждение Содерини мною пропущено и не анализируется из-за ограниченного объема статьи.

[3] Противостояние как форму диалога между культурами анализирует И.Яковенко [2002].

Поступила в редакцию 18 декабря 2009 г. Дата публикации: 14 февраля 2010 г.

[Сведения об авторе](#)

Поддьяков Александр Николаевич. Доктор психологических наук, профессор, факультет психологии, Государственный университет – Высшая школа экономики, ул. Мясницкая, д. 20, 101000 Москва, Россия.

E-mail: apoddiakov@hse.ru

Web-страница: <http://new.hse.ru/C9/C18/poddyakov-a-n/default.aspx>

[Ссылка для цитирования](#)

Поддьяков А.Н. Ложь злоумышленнику о местонахождении жертвы и полемика о нравственном принципе правдивости [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 1(9). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.20гг). 0421000116/0001.

[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в реестре ФГУП НТЦ "Информрегистр".]

[К началу страницы >>](#)